

УДК 82+821.161.1+2-1

ББК 83+83.3(2=411.2)+86.2

DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-146-158

Катерина Корбелла

**Романо Гуардини: присутствие Христа
в текстах Достоевского***

Caterina Corbella

**Romano Guardini: The Presence of Christ
in Dostoevsky's Texts**

Об авторе: Катерина Корбелла, магистр филологии, преподаватель филологического факультета ПСТГУ, Москва.

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена рецепции творчества Ф.М. Достоевского католическим богословом Романо Гуардини. В статье рассматриваются два понятия, общие обоим авторам – во-первых, вопрос о наличии противоположностей как о неизбежной черте жизни человека на земле; во-вторых, центральная роль личности Христа в переживании христианской вести со стороны обоих авторов. Исходя из последнего, кратко анализируется последняя глава книги Гуардини «Человек и вера», посвященная «Идиоту», как пример состоявшейся встречи с Христом через произведение Достоевского. Таким образом, опыт чтения романа со стороны Гуардини свидетельствует о способности текста Достоевского не только сообщить некую информацию о Христе и о христианской вере, но также – и глубже – стать пространством живого общения с личностью Христа.

Ключевые слова: богословие Достоевского, Романо Гуардини, католическое богословие, Идиот, Мышкин, богословие и литература.

Для цитирования: *Корбелла К.* Романо Гуардини: присутствие Христа в текстах Достоевского // Достоевский и мировая культура. 2019. № 2. С. 146–158.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-146-158

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90023 / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-90023.

About the author: Caterina Corbella, Master of Philology, teacher at the Philological Faculty of Saint Tichon Orthodox University (Moscow).

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Abstract: The paper is dedicated to the reception of Dostoevsky's work by the Catholic theologian Romano Guardini. After a brief review of the development of his interest on Dostoevsky, the paper identifies in the idea of polar opposition and in the centrality of Christ's personality two linking points between the German theologian and the Russian writer. The paper goes on in analysing the last chapter of Guardini's work *Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk* and the experience described there about his perception of prince Myshkin's figure – an experience that testify how Dostoevsky's text can be seen not only as a medium to communicate thoughts and ideas about Christ and Christianity, but also – and deeper – as the place where a real experience of Christ can take place.

Key words: Dostoevsky's theology, Romano Guardini, Catholic theology, *The Idiot*, prince Myshkin; theology and literature.

For citation: Corbella C. Romano Guardini: the presence of Christ in Dostoevsky's texts. *Dostoevsky and World Culture*, 2019, No 2, pp. 146–158.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-146-158

In der Erfahrung der großen Liebe sammelt sich die ganze Welt in das Ich-Du, und alles Geschehende wird zu einem Begebnis innerhalb dieses Bezuges¹.

Интерес Романо Гуардини (1885, Верона – 1968, Мюнхен), философа и богослова итальянского происхождения и немецкого гражданства, к работам Ф.М. Достоевского развивается особенно между второй половиной 1920-х гг. и первой половиной 1930-х гг., в контексте преподавания на кафедре религиозной философии и католического мировоззрения (нем. *Weltanschauung*), основанной

---

¹ «Внутри великой любви весь мир собирается в отношении Я-Ты, и все происходящее становится событием в рамках этого отношения» [Guardini, 1991, p. 14].

Из-за незнания немецкого языка тексты Романо Гуардини были прочитаны мной в переводе на итальянском и на русском языке. Как филолог, я хорошо понимаю, что проблема немаленькая – однако, смелость Гуардини в свободном и внимательном диалоге с Достоевским во время работы охватила и меня. Я уверена, что наша с Гуардини встреча состоялась – хотя через перевод, но именно потому с постоянным осознанием, что надо очень внимательно стараться слушать другого и не исказить смысл его слов. Когда возникали вопросы, я сравнивала итальянский текст с другими переводами и обращалась к людям, знающим не только немецкий язык, но также богословско-философский контекст, в котором Гуардини действовал – особая благодарность по этому поводу моей сестре Джудитте. Большой помощью стала для меня диссертация Л. Кастанджа [Castangia, 2011], к которой я обращалась, особенно в первой части статьи для описания контекста.

в 1923 г. в Берлинском университете. Молодой Гуардини, не понимая, как ему читать лекции, получает ценный совет от своего друга, немецкого философа Макса Шелера, который советует ему развивать курс как созерцание конкретных объектов, и как пример предлагает взять в рассмотрение романы Достоевского [Guardini, 1986, 55]. В течение этих лет преподавания Гуардини читает со студентами не только Достоевского, но также Рильке, Гёльдерлина, Данте, св. Августина, Лескова, и др. Он считает, что герменевтическая работа с текстом является важнейшим моментом воспитательной работы, особенно в такой момент, когда европейское и, в частности, немецкое общество находится в глубоком кризисе².

Кратко о истории самого текста. Первая статья Гуардини, посвященная «Идиоту», опубликована в 1925 г. в журнале «Die Schildgenossen»³; в 1929-1930 гг. он посвящает два цикла лекций русскому автору – внутри семинара о философии религии (зимний семестр) и во время курса под названием «Религиозная экзистенция в Достоевском», о котором он вспоминает также в предисловии к книге о нем⁴. В 1931 г. в «Die Schildgenossen» появляется цикл эссе на ту же тему, которые впоследствии, в 1932 г., соединяются в книгу «Человек и вера. Исследование религиозной экзистенции в великих романах Достоевского»: добавляется часть о «безбожии», которая отсутствовала в журнале, и расширяется последняя глава об Идиоте. Второе издание выходит в 1939 г., с новым названием – «Религиозные фигуры в работах Достоевского. Эссе о вере». Книга отличается от издания 1932-го года совсем небольшими изменениями⁵.

² О сложностях преподавания этого предмета, связанных в том числе с протестантской идентичностью Берлинского Университета в то время, об истории разговора с Шелером, и т.д. См. [Guardini, 1986; Castangia, 2011].

³ Нем. «Принадлежащие одному гербу». Журнал принадлежал молодежную католическому движению «Quickbohn», с которым Гуардини познакомился в 1920 г.; начиная с 1927 г. до закрытия движения нацистской властью в 1939 г. Гуардини был ответственным за него.

⁴ «Что означает попытка охватить этот мир, мне стало ясно летом 1930 г., когда все мои старания преодолеть сопротивление обширнейшего материала за 85 лекционных часов оказались тщетными». [Гуардини, 2009, с. 9]. Здесь и дальше я цитирую по русскому изданию 2009 года.

⁵ [Guardini, 1932; Guardini, 1989]. На русский язык перевод сделан на основе издания 1932 года. Христианское издательство «Жизнь с Богом» выпустило первый перевод в Брюсселе в 1994 г., новое издание в альманахе ИНИОН РАН появилось в 2009 г. Итальянский перевод ссылается на издание 1939 года. Подробности в списке литературы. В переведенных цитатах я не нашла существенных отличий между итальянским и русскими изданиями.

В заглавии обоих изданий видно, что внимание Гуардини фокусируется на двух моментах – религиозность и вера. Эти два понятия особо важны для Гуардини как богослова, и его размышления о связях и отличиях между ними являются частью того большого вклада, который он передал последующему богословию⁶. Он считает, что внутри человека присутствует некое «смысловое ядро», выложенное в основной структуре души» [цит. по Scholz-Zappa, 2018, р. 201]. Другие авторы будут говорить об этом «нечто» как о «религиозном чувстве». Христос, сын Божий – единственный, кто по-настоящему позволяет этой религиозности, присущей всем людям, выразиться в своей полноте: вера есть отношение со Христом. Пишет Гуардини: «То, что в Новом Завете определяется как вера – это не некая универсальная религиозность <...> вера и есть его содержание», Христос [Guardini, цит. по Scholz-Zappa, 2018, р. 203]. В другой работе он говорит о христианстве как о событии, сущность которого – историческая Личность Иисуса из Назарета⁷.

Вернемся к работе о Достоевском. В предисловии Гуардини объявляет, как он старался исследовать присутствие религиозного момента в главных героях Пятикнижия. Он также предупреждает, что поле исследования огромно, и для того, чтобы в нем не терять ориентир, он нашел для себя некую «систематизирующую, связующую линию» в отношении некоторых героев к основным силам бытия, к земле, к народу [Гуардини, 2009, с. 10]. Таким образом, книга представляет собой шесть глав, которые исследуют религиозность отдельных персонажей через это отношение. Когда человек живет верой, т.е. внутри пространства Искупления, отношение с реальностью является цельным и положительным – это случаи «верующих баб» из «Братьев Карамазовых» (глава I, «Народ и его путь к святому»), Сони Мармеладовой и Софьи Долгорукой (глава II, «Многотерпеливые и величие их позиции»), Макара Долгорукого, Зосимы и его брата Маркела, Алеши Карамазова (глава III, «Люди Божии», и IV, «Херувим»). Это отношение сохраняется, но в искаженном виде, в популизме Шато-

---

⁶ См. [Scholz-Zappa, 2018]. На русском языке см. [Шешенин, 2018].

⁷ См. [Guardini, 1991, р. 13-14]: «Христианство – не теория Истины, или интерпретация жизни. Оно есть и это, но не в этом его сущность. Сущность Христианства – Иисус из Назарета, его конкретное существование, его деятельность, его судьба – то есть, сущность Христианства это – историческая личность».

ва и в натурализме Марии Лебядкиной (об этом идет речь в конце главы I). Отношения также могут разорваться – и тогда мы находимся перед бунтом Ивана Карамазова (глава V, «Бунт»), или атеизмом Ставрогина и Кириллова (глава VI, «Безбожие»). «Вне этой общей линии остались два персонажа», утверждает Гуардини [Гуардини, 2009, с. 11] – Настасья Филипповна из «Идиота» и князь Мышкин из того же романа. Седьмая глава, под названием «Символ Христа», посвящена им.

Понятие «народа» в работе Гуардини – религиозное понятие, которое нельзя понять, если его отделить от идей «земли» и «основных сил бытия». Главная категория, к которой Гуардини прибегает, чтобы охарактеризовать понятие народа и «человека из народа» – категория единства. Приведу некоторые яркие определения из первой главы: «Народ стоит **у истоков бытия**. Он сростся **в единое целое с землей** – той землей, по которой он ходит, на которой трудится и благодаря которой живет <...> и он ощущает, быть может, и не умея выразить на словах, **вселенную в ее единстве**» [Гуардини, 2009, с. 14]. В народе «обитает подлинный человек, обладающий, вопреки всей своей “запущенности”, здоровым ядром и служащий **неотъемлемой частью сущностной структуры бытия**» [Там же]. Очень важно заметить и причину такого ощущения реальности как единого целого – такое восприятие реальности, которое Гуардини определяет как типичное для восточного мира, возможно потому, что для русского сознания «Бог не отдалился от Своего творения <...> этот мир вне всякого сомнения и **с особой непосредственностью ощущает себя пребывающим в деснице Божией**. Кажется, что он – в постоянном становлении, что контуры его еще не очерчены, что волею Бога в нем происходит нечто таинственное и что человек, связанный с Богом верой, каким-то образом чувствует это» [Гуардини, 2009, с. 15].

Однако эту связь можно разорвать: возможность выбиваться из этого единства свойственна современному человеку; это и есть проблема «западника» по мнению Гуардини. Главный вопрос западного мира касается отношения между «конечным» и «бесконечным», между моим сознанием и моей волей как выражением определенной личности и всем, что является «другим» – пусть это будет народ, мир или сам Бог (понятия, как мы уже видели, свяваны). Этот вопрос, по мнению Гуардини, стоит в глубине бунта

Ивана и находит свое драматичное выражение в самоубийстве Кириллова, которое и есть попытка исключения бесконечного через обожествление конечного⁸.

За этими словами проявляется важный элемент, свойственный антропологии нашего автора. Для Гуардини в жизни присутствует постоянное напряжение, источник которого – противоположность, присущая человеку и реальности. Противоположные полюса (среди которых – индивидуальность / тотальность; имманентность / трансцендентность, и др.) живут в каждом из нас, и решение этой противоположности можно найти только на другом, высшем уровне, нежели наша земля⁹. В связи с этими размышлениями мне сразу пришел в голову текст записи Ф.М. Достоевского от 16-го апреля 1864, «Маша лежит на столе», где остро выражается напряжение между *я* и *все*:

«Возлюбить человека, *как самого себя*, по заповеди Христовой, – невозможно [далее Достоевский пишет – «*возлюби всё, как себя*» [Достоевский, 1972-1990, т. XX, с. 174] – К.К.]. Закон личности на земле связывает. *Я* препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. Между тем после появления Христа как *идеала человека во плоти* стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (**в самом конце развития, в самом пункте достижения цели**), чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего *я*, – это как бы уничтожить это *я*, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон *я* сливается

---

⁸ В связи с этим, следующая цитата, по моему мнению, достаточно синтетична и выразительна – речь идет о «феномене Ставрогина»: «При анализе образа Кириллова говорилось о взаимосвязи таких понятий, как “конечность”, “ничто” и “страх”. Мы сочли правильным усматривать решающий момент исторического развития Нового времени в том, что конечность, отколовшаяся от бытия, выступает как таковая, в чистом виде. Христианство же должно решить для себя вопрос, следует ли ему понимать конечность как свою новую задачу пред Богом. Некогда конечное соотносилось с Богом наивным и естественным образом. Перед Новым временем – точнее, перед тем, что следует теперь за Новым временем, – поставлена, как мне представляется, задача: либо включить конечное – в полном сознании собственной зрелости и ответственности – в свое отношение к Богу, либо вырвать его из этого контекста, объявив автономным. Тогда конечное предстает в голом виде; вокруг него “ничтожествует” Ничто. Бытие рушится, подпадая под власть страха...» [Гуардини, 2009, с. 182-183].

⁹ См. [Castangia, 2011, p. 170] [Guardini, 1997].

с законом гуманизма, и в слитии, оба, и я и все (**по-видимому, две крайние противоположности**), взаимно уничтоженные друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо.

Это-то и есть рай Христов. Вся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели» [Достоевский, 1972-1990, т. XX, с. 172].

Для Достоевского в этом тексте, как и для Гуардини, решение противоположности на земле «невозможно». Здесь и сейчас идеальное измерение существует как «развитие», «борьба», «стремление». Эти размышления становятся для Достоевского доказательством того, что будущая жизнь есть [Достоевский, 1972-1990, т. XX, с. 173]: решение, нам сейчас недостижимое, находится в другом плане, в «Рае Христовом», где «мы будем – лица, не переставая сливаться со всем» [Достоевский, 1972-1990, т. XX, с. 174]¹⁰.

Таким образом, можно утверждать, что «связующая линия» Гуардини, т.е. «отношение отдельных персонажей к земле и народу, с одной стороны, и к основным силам бытия – с другой», является основополагающей точкой антропологии **обоих** авторов. Именно поэтому встреча между ними является удивительным образом плодотворной, и анализ Пятикнижия, который мы находим в первых главах, содержит множество интересных моментов, как и для исследователей Достоевского, так и для исследователей Гуардини. Однако я хочу здесь сосредоточиться на другом.

В записи Достоевский говорит о «появлении Христа как идеала человека **во плоти**» как о поворотном моменте в истории человечества¹¹. В начале статьи говорилось, как в том же русле размышляет Гуардини, для которого христианство и есть сам Христос. Ставить в центре размышления о вере личность Христа – значит рассматривать христианство как событие встречи с Ним, где вера в своем моральном или догматическом измерении будет только послед-

¹⁰ «Маша лежит на столе», мне кажется, самый яркий текст Достоевского по этой тематике. Во время конференции «Богословие Достоевского», кроме доклада Татьяны Касаткиной «Богословие Достоевского: проблемы понимания и описания», касающегося именно данного текста, мы слушали доклад Ксаны Бланк «Принцип противоречия в философии Достоевского и религиозной мысли Серебряного века», также касающийся проблемы преодоления/синтеза противоположностей (см. ее статью в этом номере).

¹¹ Это, конечно, не единственное свидетельство важности личности Христа для Достоевского как подлинного источника веры, которая для него не сводится к совокупности правил или истин. См. известный «символ веры» в письме Н.Д. Фонвизиной [Достоевский, 1972-1990, т. XXVIII, с. 176].

ствием этой встречи¹². Однако размышления о вере в первых главах опираются именно «на последствия». Объясню, что я под этим подразумеваю.

При анализе верующих героев (Соня Мармеладова, Софья Долгорукая, Зосима, Алеша Карамазов...) Гуардини показывает читателю, какое отношение с реальностью рождается внутри веры. Эти люди полностью принимают то, что происходит; они скорбят о своих грехах, но в них видна настоящая надежда на милосердие Бога; то же милосердие наполняет их, когда они смотрят на грехи других; они способны видеть красоту во всех людях и ситуациях.... В них царствует, в конечном итоге, высочайшее единство жизни. Однако встреча со Христом (христианство как событие) остается за рамками анализа: она является необходимым, но скрытым от нас условием, к которому Гуардини вынужден подойти дискурсивно¹³. То, как они воспринимают жизнь, проявляется ярче благодаря контрасту с теми героями, которые воспринимают ее искаженным образом. На этих страницах Гуардини утверждает, что в текстах Достоевского размышление ведется через «диалектику <...> персонажей, дополняющих, но и критикующих друг друга» [Гуардини, 2009, с. 16], что в какой-то мере напоминает понятие полифонизма М. Бахтина, пишущего примерно в те же годы, что и наш автор. Но если авторское слово выражается только диалектикой, то выбор одной из двух позиций остается полностью на усмотрение читателя. Создается впечатление, что Соня, Зосима, Алеша такие, потому что они верующие; Достоевский их описывает таким образом, потому что он верующий; Гуардини это видит, потому что верующий.

Из-за этого, пока я читала работу Гуардини, у меня возник вопрос – если для обоих авторов так важно понятие Воплощения Христа и встреча с Ним, неужели здесь об этой встрече нет никакого свидетельства? Ответ я получила при чтении последней, седьмой главы, когда очень важная для меня мысль Гуардини, к которой в течении всей книги он обращался мимоходом, становится ключом для прочтения романа «Идиот». Пишет Гуардини – и в его словах

---

¹² См. [Scholz-Zappa, 2018]. В данной статье хорошо показано развитие понятия о «событии встречи со Христом», которое через Гуардини доходит к другому автору католического мира, о. Луиджи Джуссани. Интересно заметить, что Джуссани, как и Гуардини, в творчестве Достоевского нашел для себя любимого собеседника. Важность данного понятия и страсть к русскому автору можно найти также у папы Франциска, таким образом обнаруживая своеобразную «богословскую-филологическую» линию, соединяющую их.

¹³ См. например [Гуардини, 1994, с. 16; Гуардини, 1994, с. 26]

я слышу уже не Бахтина, а отзвук размышлений Татьяны Касаткиной¹⁴: «самое загадочное [в Достоевском] – это его способность реализовать не-человеческое существование, будь оно под-, или вне-, или над-человеческим, в человеческом бытии. Но не так, чтобы при этом возникали некие фантастические существа, как у многих романтиков; напротив, перед нами – человек во всем своеобразии его реально существующей природы, человек со своей жизнью, своими поступками, судьбой – и все же из всего этого проступает картина такого бытия, которое само по себе уже не может считаться просто человеческим» [Гуардини, 2009, с. 195]. В момент самоубийства за Кирилловым появляется образ марионетки; Смердяков напоминает читателю что-то вроде мандрагоры; в Алеше Карамазове, существо которого определяется через категорию Истины, живет Херувим [Гуардини, 2009, с. 106, 195]. Для Гуардини Мышкин – высшая и сложнейшая попытка внутри этой линии: он есть символ Христа. Седьмая глава свидетельствует, как благодаря этой способности Достоевского чтение «Идиота» стало для Гуардини опытом встречи. Еще точнее, страницы романа стали для него пространством, где может происходить еще раз событие Христа.

В начале этой главы Гуардини предупреждает читателя, что «здесь придется в большей мере, чем это, видимо, обычно допускается, исходить из опыта своего личного общения с книгой» [Гуардини, 2009, с. 194]. При чтении романа, и особенно в соприкосновении с его главным героем, «мы постоянно ощущаем присутствие Христа без того, чтобы слова или умонастроения были соотнесены с Ним прямым образом» [Гуардини, 2009, с. 194, 195]. То есть, присутствие Христа в тексте передается не речью. Внутри человеческого существования князя, как мы уже говорили, проступает фигура, чье бытие больше человеческого. Достоевский это делает через некоторые присутствующие в тексте «знаки», словно черты, определяющие лицо только в своей совокупности [Гуардини, 2009, с. 201, 202]. Перечисляю лишь некоторые из них: приезд Мышкина как будто из другого, невинного мира; его первая встреча с Настасьей Филипповной; необыкновенная любовь (Гуардини использует слово *eros*), связывающая их; фраза, произнесенная той же Настасьей Филипповной – «Прощай, князь, в первый раз **человека** видела!»¹⁵ Но

¹⁴ См. [Касаткина, 2015]

¹⁵ Размышления Гуардини по поводу этой фразы меня поразили особенно, поэтому приведу их здесь: «Все впечатляющее своеобразие Мышкина сведено здесь к сжатой

особенно важны – и потому привожу полностью – его слова в связи с отрывком о пощечине, которое Мышкин получает от Гани. На лице Мышкина появляется «странная улыбка»:

«Долгое время Евангелие от Иоанна оставалось для меня недоступным, ибо я не мог понять его логики. <...> Когда я наталкивался на «потому что», мне не удавалось уловить в сказанном обоснование. И вот я наткнулся на «Идиота», на образ Мышкина. В его поведении я открыл для себя определенное сходство с Иоанновым Христом, и мне стала ясна «многоуровненность» той или иной ситуации. <...> Если <...> Некто, согласно сути своего умонастроения и сознания, действительно находился бы на абсолютном уровне, в вечности, в воле Божией, то Он, вероятно, производил бы впечатление непостижимого. Но если бы при этом неволью ощущалось присутствие чего-то великого <...> что произошло бы в таком случае? Ощущение чего-то чуждого и непонятного переросло бы – если любовь и смирение не раскрепостили бы сердце – в раздражение, возмущение, ненависть. Так возник бы элементарный библейский феномен: **соблазн** <...>! И действительно, облик Господа не противоречит размышлениям этого рода. Как мне представляется, образ князя вызывает аналогичные чувства. <...> он не может быть понят теми, кто находится на «передних» уровнях. Он среди них – чужой, и упомянутая выше улыбка князя недвусмысленно свидетельствует об этом» [Гуардини, 2009, с. 211, 212]. То впечатление непонятности, но одновременно настоящей человечности, которые современники Иисуса испытывали перед Ним, сродни тому ощущению, которое не только другие герои, но и сами читатели испытывают перед князем Мышкиным. Его существование, как и существование Христа, бросает вызов другим людям, которые, с одной стороны, несомненно привлечены его фигурой, с другой – находятся под постоянным искушением соблазна.

формуле: «Се человек». Самое экстраординарное высказывание о нем гласит, что он есть человек, – но ведь на это претендуют, это утверждают все, кто так себя именует... И мы неволью думаем о том, что Тот, Кто был Сыном Бога, называл Себя «Сыном Человеческим». Позиции человека настолько утеряны, а в первоначальном замысле о его сути столько божественного величия, что можно утверждать: человечность в ее чистом виде по плечу одному лишь Богу. Быть человеком в полном смысле слова совсем не так уж естественно, это отнюдь не само собой разумеющийся исходный пункт. Человеческими силами тут не обойтись. «Гуманный человек» – понятие из сферы идеологии. Собственно человек может вести свое начало только от Бога. «Сын Божий» и «Сын Человеческий» обозначает в Новом Завете те две формы, в которых находит свое выражение бытие Спасителя». [Гуардини, 2009, с. 215-216].

Узнавание и перечисление этих моментов не дает само по себе однозначную расшифровку символа – это легко понять, если подумать о количестве работ, посвященных связи Мышкина и Христа, часто приводящих к совершенно противоположным выводам. Князю присуща «неоднозначность, которая обескураживает» читателя, и Гуардини предупреждает, что здесь «решающим аргументом оказывается впечатление, какое в конечном итоге возникает у читателя, и остается ли оно достаточно сильным и продолжительным, чтобы противостоять постоянно заявляющим о себе противоположным доводам» [Гуардини, 2009, с. 224]. Однако именно неоднозначность Мышкина становится для Гуардини основополагающим моментом его сути как символа Христа – конечно, если мы готовы это принять. Дело в том, что для того, чтобы достичь **любого** толкования образа Мышкина, за или против него, необходимо совершать выбор, **принять решение** – что есть в отношениях с любым человеком, в частности с личностью Христа и с его словами о том, что Он – сын Божий. Отношение читателя к Мышкину «обретает те же черты, которые, по-видимому, существовали в отношении к Христу со стороны тех, кто был Его современником, в дни перед Его смертью, Воскресением и нисхождением Святого Духа, когда веровать было так бесконечно трудно» [Гуардини, 2009, с. 225]. Недоумение читателя перед Мышкиным и есть недоумение современников Христа: неоднозначность присуща этим фигурам для того, чтобы «открылись помышления многих сердец» [Лк. 2:35]. Но если человек воспринимает этот символ, то все детали текста обогащаются смыслом. Даже трагичная концовка становится для Гуардини очередным подтверждением того, что Мышкин – символ Христа¹⁶: «Нас могут спросить: да кто же здесь спасен? <...> Никто <...>! В том-то и состоит совершенство этого символа, что он далек от прямого подражания Божественному. Роман не кончается ни «обращением», ни уходом в себя. Но на первый план выступает нечто большее. Тот, кто раскрывается ему навстречу, приобщается к нескончаемой спасительной Божественной мощи, действующей по ту сторону или внутри того, что нам доступно (а быть может, и сквозь него). Эта ги-

¹⁶ Попутно хочу заметить, что в этих размышлениях Гуардини проявляется черты, которые будут впоследствии особенно важны в работах Джуссани – в том числе, тот факт, что все факторы для решения «за или против» Христа были даны Его современникам уже до Его смерти и Воскресенья, и что принятие Его (или соблазн от Него) зависит не от внешних факторов, а от личной позиции свободы каждого. См. [Джуссани, 2010, с. 104, 105].

бель содержит обетование для Рогожина и Настасьи Филипповны, для этих двух людей, которым психология и прочие «мироведческие» науки отказывают в праве на существование. Здесь явственно прослеживается избавление от безысходности – равно как и то, что невозможное людям – возможно Богу» [Гуардини, 2009, с. 229]

Таким образом, последняя глава посвящена не простому анализу, а опыту встречи – где важнейшее составляющее есть свобода читателя перед соблазном и перед неоднозначностью, как бывает всегда в человеческом опыте. Сама возможность этой встречи, сам факт существования такого действующего символа внутри романа, открывает путь к «глубокой трактовке того, что представляет собой сам человек: он не есть что-то окончательно определенное, самодостаточное, а скорее потенция, открытая неисчислимым возможностями и лежащая в длани Божьей» [Гуардини, 2009, с. 226]. Однако, мне кажется, этот «действующий символ» открывает тот же путь в связи с вопросом о том, что представляет собой художественное слово (художественное произведение). ‘Соблазн’, который человек испытывает перед вестью о том, что Бог стал человеком, или, как говорит Гуардини, перед тем, что «свет Божий якобы меркнет вследствие земной конкретизации и сужения свободного, бесконечного смысла Божия конкретно-историческими рамками данного времени и места» [Гуардини, 1994, с. 290], повторяется в опыте читателя, который должен выбрать – принять или нет роман как пространство для настоящей встречи со Христом.

Список литературы

Гуардини, 2009 – *Гуардини Р.* Человек и вера: Исследование религиозной экзистенции в больших романах Достоевского // Эон. Альманах старой и новой культуры. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2009. Вып. 9. С. 8-324.

Гуардини, 1994 – *Гуардини Р.* Человек и вера. Брюссель: Жизнь с Богом, 1994. 331 с.

Джуссани, 2010 – *Джуссани Л.* У истоков христианского притязания. Пер. с ит. Н. Тюкалова. Москва: Духовная Библиотека, 2010. 151 с.

Достоевский, 1972-1990 – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.

Касаткина, 2015 – *Касаткина Т.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 521 с.

Шешенин, 2018 – *Шешенин Р.* «Религиозное чувство» Луиджи Джуссани: историко-богословский контекст // Религия. Церковь. Общество. 2018. Вып. VI. С. 68-90

Castangia, 2011 – *Castangia L. Il mondo religioso di Dostoevskij. Romano Guardini interprete dello scrittore russo.* Cagliari 2011. URL: <http://veprints.unica.it/520/>

Guardini, 1986 – *Guardini R. Appunti per un'autobiografia / trad. G. Penati.* Brescia: Morcelliana 1986. 165 p.

Guardini, 1989 – *Guardini R. Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben.* Mainz: Grünewald, Paderborn: Schöningh 1989. 316 s.

Guardini, 1991 – *Guardini R. Das Wesen des Christentums. Die menschliche Wirklichkeit des Herrn.* Grünewald: Schöningh, Mainz: Paderborn 1991. 208 s.

Guardini, 1995 – *Guardini R. Dostoevskij. Il mondo religioso / trad. M.L. Rossi.* Brescia: Morcelliana, 1995. 334 p.

Scholz-Zappa, 2018 – *Scholz-Zappa M. Romano Guardini e Luigi Giussani // Luigi Giussani: il percorso teologico e l'apertura ecumenica.* A cura di G. Paximadi, E. Prato, R. Roux, A. Tombolini. Siena: Cantagalli, 2018. Pp. 193-216

References

Gvardini R. Chelovek i vera: Issledovanie religioznoy ekzistentsii v bolshih romanah Dostoevskogo [Man and Faith: a Research about the Religious Existence in Dostoevsky's Great Novels]. *Eon. Almanah staroy i novoy kulturyi* [Almanac of Old and New culture], Moscow, Institut nauchnoy infotmatsii po obshchestvennym naukam RAN Publ., 2009, is. 9, pp. 8-234. (In Russ.)

Guardini R. *Chelovek i vera* [Man and Faith]. Bruxelles, Zhizn' s Bogom Publ., 1994. 331 p. (In Russ.)

Dzhussani L. *U istokov khristianskogo pritzanja* [At the origin of the Christian claim], trans. N. Tyukalova. Moscow, Dukhovnaya Biblioteka Publ., 2010. 151 p. (In Russ.)

Dostoyevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)

Kasatkina T. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyj obraz v proizvedeniyakh Dostoevskogo* [Sacral in the Mundane: Two-Folded Image in Dostoevsky's Works]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015. 521 p. (In Russ.)

Sheshenin R. "Religioznoe chuvstvo" Luidzhi Dzhussani: istoriko-bogoslovskiy kontekst ["The Religious Sense" of Luigi Giussani: Historical and Theological Context]. *Religia. Tserkov. Obshchestvo* [Religion. Church. Society], 2018, is. VI, pp. 68-90. (In Russ.)

Castangia L. *Il mondo religioso di Dostoevskij. Romano Guardini interprete dello scrittore russo.* Cagliari 2011. Available at: <http://veprints.unica.it/520/> (In Italian)

Guardini R. *Appunti per un'autobiografia*, trad. G. Penati. Brescia, Morcelliana, 1986. 165 p. (In Italian)

Guardini R. *Das Wesen des Christentums. Die menschliche Wirklichkeit des Herrn.* Grünewald, Schöningh, Mainz, Paderborn, 1991. 208 p. (In German)

Guardini R. *Dostoevskij. Il mondo religioso*, trad. M.L. Rossi. Brescia, Morcelliana, 1995. 334 p. (In Italian)

Guardini R. *Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben.* Mainz, Grünewald, Paderborn: Schöningh 1989. 316 p. (In German)

Scholz-Zappa M. Romano Guardini e Luigi Giussani. *Luigi Giussani: il percorso teologico e l'apertura ecumenica.* A cura di G. Paximadi, E. Prato, R. Roux, A. Tombolini. Siena, Cantagalli, 2018. Pp. 193-216. (In Italian)